

Людмила Фёдоровна Земляникина (Сухова):

- Мой папа, Фёдор Иванович Сухов, родился в 1898 году в Санкт-Петербурге. Работал журналистом в Вологде, в Архангельске. А в 1931 году переехал в Иваново с женой Марией Михайловной и сыном Георгием и устроился на работу в редакцию газеты «Рабочий край». Поскольку у него был уже значительный опыт в журналистике, его сразу поставили заместителем ответственного секретаря. В то время эта должность требовала большого внимания и ответственности, так как пресса была под чутким взором руководства страны а, значит, работник газеты мог за незначительную ошибку попасть под суд. Отец работал сутками...

Через несколько часов после того, как мы узнали, что началась война, по радио объявили воздушную тревогу, и мы все побежали в бомбоубежище. Было страшно... Стёкла в комнатах заклеены газетами, чтобы не дребезжали и не бились. Еще запомнилось, что до войны над Ивановом редко летали самолеты, а теперь их стало очень много - и днем, и ночью.

Моему старшему брату в 1941 году было 11 лет, сестре – 7, мне – 4, младшему брату – всего два года. У нас сохранилась фотография того времени, где запечатлены мы все, и Валера сидит у мамы на руках... В таком составе мы и пошли провожать отца на фронт. Уже на вокзале папу позвали в отдельный кабинет. Его долго не было. Мы ждали и нервничали. Когда он вернулся, сказал: «Пойдемте домой». Оказалось, что на отца наложили бронь – «Рабочему краю» нужны были опытные журналисты в этот непростой период. Папа оставался с нами всю войну, правда, дома он бывал редко – почти всегда находился в редакции. В «Рабочем крае» впоследствии он проработал больше тридцати лет.

Мама тоже много работала - в госпитале, который занял прежнюю школу №46. Туда ежедневно поступали тяжело раненные бойцы. Они наперебой звали: «Сестра Маруся, помоги, подойди, дай попить!». Стонали от боли. И мама не могла уйти домой к нам, своим детям. Тогда мы сами приходили к ней - это было близко, чуть ли не в нашем дворе (мы жили тогда на 4-й Первомайской в двухэтажном доме на несколько семей). Помню, как мама носила большие тазы с отрубленными руками, ногами, кровью. А немного подлечившиеся бойцы - кто на костылях, кто с палкой - подходили к нашему дому и спрашивали: «Где дети сестры Маруси?» А потом доставали из кармана кусочки хлеба или сахара в марлице и отдавали нам. Как на это смотрели соседские, не менее голодные, дети! Не могу вспоминать...

Жилось очень тяжело. Помню холод, голод. Не было дров. Мама сожгла всю мебель. А мы, дети, ходили на улицу искать щепки. Мороз был 30-40 градусов. Мама регулярно (49 раз!) сдавала кровь, чтобы дополнительно к карточкам на хлеб получить хоть какие-то продукты. Она была «Почетным донором». Вся домашняя работа и младшие дети (в 1943 году у нас родился ещё один брат – Владимир) были на мне. А ведь я сама ещё была мала. Нина, сестра, стыдилась, что мало помогала мне. И говорила: «Люся, когда мама принесет нам конфетки, я тебе свою порцию отдам». Мама, когда сдавала

кровь, выдавала нам по три подушечки карамели - клюквы в сахаре. Мы с Ниной никогда не ссорились, никогда не обижались друг на друга. Нина была худенькая, строгая, с тонкими косичками. А я - кудрявая, улыбчивая...